

От рифмы к рифме – мимо рва
 В конце строки и ям цезуры
 Бегут цепочками слова –
 матросовы на амбразуры
 Злой бездуховности моей,
 Русскоязычия и лени.
 Любил я с молодых бровей
 Метафоричностью солений
 Заесть бурлящую бурду –
 Коктейль из Бродского и Лорки,
 Что лил в глаза на зависть рту
 До самых тайных недр подкорки.
 Частенько снился мне Эзоп
 И сандалетом жал на жало:
*«Кодирий, дурень, каждый троп,
 Животных на земле немало.
 Иначе – пифий не копти,
 Ты со скалы не будешь сброшен
 И не взлетишь в конце пути
 По чресла в почве, грязный ошень».*
 (Вот так с акцентом и сказал.
 Не веришь мне, спроси у грека).
 Я жало жалкое поджал,
 Чтоб в гаде видеть человека.

Когда весна, закончив акварель,
 Швырнёт сырые кисти в мрак подвалов,
 Я улечу за тридевять земель,
 Подальше от телят и от макаров,
 От их свобод, затоптанных в навоз,
 От совести, оцененной в дензнаках,
 И от позора знать, что кровосос
 Дырявит властно шкуры на беднях.
 Мне больше не пастись и не пасти,
 Не мучиться вопросом: «Что же гаже?».
 Останутся телята позади
 С макарами бессменными на страже.
 Таксист-басмач помчит в аэропорт,
 Победно протрубив «салям алейкум».
 Я проступлю, заляпав натюрморт,
 Сквозь облаков небесную побелку
 На глянец заграничного листа, –
 Запечатлюсь чужую речь коверкать.
 С меня стечёт святая простота,
 Как с гуся прочь – легко, по здешним меркам.
 Телята хором хмыкнут: «Повезло!»,
 Макары затаят обиду в теле...
 Но скоро память встанет на крыло
 И повернёт обратно к акварели.

Постколыбельная по Экзюпери

За окошком волки воют, на экране бьётся Троя,
 Счастье жмурится в коротеньких штанишках.
 Подрастают баобабы планетарного масштаба,
 Эпилируют побеги на лодыжках.

Чайник кратером вулкана, медным эхом Пакистана
 Улюлюкнул: «Приступаю к изверженью».
 И, едва проснувшись, Роза шевельнулась безголосо
 Грациозной, с четырьмя шипами тенью.

Ночь, сторчинкой шоколадку, поделю и брошу в кадку:
 – Не скучай, на старом кресле-самолёте
 Я сломаюсь надпустыней, память ядом в жилах стынет,
 Хохоча, на небе звёзды хороводят.

Счастье взрослого – ребёнок, счастье детское – стросонок
 Выпив ласки, задавать всерьёз вопросы:
 Про планеты и барашка, про любовь и барабашку,
 Почему не заплетает мама косы...

Поперхнувшись белым светом, кашлял мир, ветра октетом
 Дружно выли, вторя тьявканью лисицы.
 Троя стала пепелищем, по руинам волки рыщут,
 И глаза их, луны, смотрят мёртвым в лица.

Косички

Порхают бантики, как птички, –
 То вверх, то вниз, чаруя взгляд.
 Они на веточках-косичках
 Сидеть спокойно не хотят.

Зеленоглазая девчонка
 Стремглав бежит, не чуя ног,
 И на бегу хохочет звонко,
 Взметая вверх речной песок.

Она смешна, рыжеволоса,
 Нам вместе нет и тридцати,
 Вот сиганула вниз с откоса,
 Вот речку хочет перейти.

Я птицелов довольно юный,
 Зато стремителен в броске:
 Наискосок утюжу дюны,
 Косичку чувствуя в руке.

Ещё чуть-чуть – поймаю птичку,
 Осталось только поднажать...
 Не схватишь счастье за косичку,
 Схватив – не сможешь удержать.

Перевернёт судьба странички
 От юных лет до наших дней.
 Порхают бантики, как птички,
 У речки памяти моей.